

Феномен студенческих коммун 1920-х гг.

Г. А. Петаченко,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Белорусский государственный университет

В 1920-х гг. руководство советской России стремилось найти механизм влияния на формирование общественных отношений, что позволило бы осуществить революционные преобразования в мировоззрении целого поколения. Была осуществлена попытка заменить в общественном сознании понимание таких понятий, как личная свобода и личное пространство, на новые формы общественных отношений, такие как коллективизм, коммуна, солидарность. Студенческой молодежи отводилась роль «первопроходцев», поскольку именно она – будущие специалисты в различных сферах народного хозяйства – должна была стать примером для других социальных слоев общества.

Поиск форм общественных отношений, которые бы способствовали идеологическому воспитанию студенчества, становится одной из приоритетных задач партийного руководства. На этот счет Н. К. Крупская писала: «Пролетариат строит новую, более высокую общественную связь, общественную дисциплину – сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения» [7, с. 14].

Новой формой общественных отношений в студенческой среде стали бытовые коммуны. Периодическая печать этого времени характеризовала их как «ростки нового здорового быта пролетарского студенчества» [6, с. 11].

Участников таких объединений называли коммунарами, представляя их обществу в качестве новой формации, добровольно отказавшихся от всего личного и создавших коллективные объединения: «В коллективе видели то начало, которое спаяет ребят в единую семью, его возводили чуть ли не до значения воспитательного института, откуда, как из игрушечной фабрики, будут выскакивать настоящие коммунары, стойкие, выдержанные» [2, с. 132].

В советской историографии основной причиной создания бытовых студенческих коммун называлось осмысленное поведение молодежи в деле построения нового социалистического быта. Однако более детальное изучение источников и исследований современной российской историографии позволяет выделить ряд прочих причин, повлиявших на создание студенческих коммун. Одна из них имела экономическую основу. Тяжелое материальное положение, в котором оказалось большинство советских студентов, вынуждало их к объединению в коллективы. Суммирование имущества и бюджета группы студентов позволяло им существенно облегчить свое финансовое положение. А. Ю. Рожков считает, что именно это стало доминирующим фактором появления всевозможных форм студенческой кооперации в вузах. По его же мнению, о кооперациях в вузах метко выразился один из корреспондентов студенческого журнала, озаглавив свою статью «Ужин зачал коммуны» [10, с. 303].

Основной этап организации студенческих коммун пришелся на 1923–1924 гг. и проходил достаточно стихийно, поскольку не существовало никаких документов, регламентировавших их структуру, численность и т. д. Необходимо отметить, что «стихийность» не была случайностью, данный период совпадает с усилением принятых мер, направленных на изменение социального состава студенчества и борьбой с «мелкобуржуазной» идеологией. Поэтому появление в студенческой среде новых форм бытовых отношений представлялось необходимостью, а «сти-

хійность» их распространения объяснялась требованием быстрого развертывания новой формы объединения в студенческой среде, которая являлась составной частью комплекса мер, направленных на пролетаризацию высшей школы.

В идеале оставшееся после чисток пролетарское студенчество должно было объединиться в коммуны и таким образом создать новую модель общественных отношений, базирующихся на новых идеологических установках. Об этом образно высказался один из авторов студенческой прессы тех лет: «На наших глазах человеческая личность становится похожа на мозаичное одеяло, которое состегано из различных кусочков: есть кусочки социалистические, есть кусочки военного коммунизма, есть старые, темные, засаленные лохмотья прошлого» [11, с. 39].

Примеры стихийного создания коммун отмечались и в студенческой прессе: «Два, три наиболее энергичных парня, объявив себя инициативной группой, собирали собрание, где и поднимался вопрос о создании коммун» [2, с. 132]. На первых собраниях организационной стороне придавалось большее значение, чем экономическим проблемам: «В результате многочасового обсуждения составлялся протокол об организации коллектива в такой-то квартире, на таком-то этаже. Тут же избирался руководящий центр коллектива – совет из трех человек, а кое-где и ревизионные комиссии» [2, с. 133]. Коммуны имели устав – основной документ, в котором прописывались все основные положения, регламентировавшие жизнь ее участников.

Численность коммун была различной: от нескольких человек до нескольких сотен. При этом ограничения по количеству членов не существовало. Процесс создания коммуны на всем протяжении 1920-х гг. имел определенный алгоритм действий. Вначале студенты создавали общую финансовую и материальную базу, которая формировалась путем полного либо частичного объединения имущества и бюджетов коммунаров. Из воспоминаний участника коммуны: «Передо мною, как живая, стоит картина нашего первого вечера, груды скарба разбросаны по полу, на небольшой тумбочке, заменяющей стол, стоит ведро с жидкостью, именуемой студенческим обедом. На 10 человек две тарелки, три ложки, одна вилка и ломаный нож. Мебель – одна табуретка» [1, с. 117]. Тем не менее в студенческой среде не было единого отношения к идее создания коммун. Встречались примеры нежелания студентов вступать в коммуны. Один из студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии на предложение о вступлении в коммуну ответил: «Отцы коммунары, я восемь лет прожил в коммунах, начиная с детдома и кончая рабфаком, и наконец, дайте мне возможность пожить как-нибудь иначе» [4, с. 35].

В целом же к концу 1920-х гг. процесс обобществления в некоторых коммунах зашел довольно далеко, практически стирая рамки традиционного понимания личного пространства: «Все общее: и пальто, и стакан, и даже нижнее белье». Если коммунары имели в собственности пальто или белье, то это называлось «предрасудками мелкобуржуазной идеологии» [8, с. 24].

Полный отказ от имущества должен был воспитать у студентов дух коллективизма, сформировать новые принципы отношений с людьми, основанные не на личных интересах, а на интересах коллектива. Студенты-коммунары должны были стать олицетворением людей новой формации, прошедших путь отречения от всего личного во имя своих коллективов, а после окончания вуза использовать накопленный опыт в более широких масштабах в своих новых трудовых коллективах.

Однако большинство коммун не заходили так далеко в деле обобществления быта. В основном нормы ежемесячных взносов регламентировались и составляли 10 руб., но при этом внеплановые сборы не исключались. В некоторых коммунах существовала система пропорциональных отчислений, составлявших 30 % от заработка, что, по мнению коммунаров, должно было способствовать ликвидации «частнобуржуазных инстинктов» [12, с. 44].

В целом создание единого бюджета коммуны было серьезным вопросом. Он формировался либо объединением всех финансовых средств коммунаров, либо начислением по прогрессивной шкале членских взносов: чем больше были студента были заработки, тем больше были и отчисления. В любом случае ни один из способов не удовлетворял и не мог удовлетворить всех участников коммуны, поскольку при создании единого бюджета использовались только студенческие заработки, а они никогда на протяжении изучаемого периода не соответствовали прожиточному минимуму. К тому же в коммунах все средства должны были делиться поровну на всех участников, что часто вызывало недовольство.

Финансовые затруднения, появлявшиеся в коммунах из-за задержки выплат стипендий, и введение жесткой дисциплины (распределение времени на сон, учебу и прием пищи) вызывали недовольство у части ее членов, некоторые стали выходить из состава коммун.

В своих заявлениях коммунары указывали причины выхода: «Прошу не считать меня членом УБК, так как я не согласен с ее правилами или я не доволен, когда мне делают замечания» [3, с. 25]. Безусловно, что эти случаи подвергались жесткой критике, в том числе и в периодической печати. Подобная «несознательность» приравнивалась к оппортунизму и антисоветской пропаганде. По мнению А. Ю. Рожкова, эта ситуация тожде-

ственна процессу насильственной коллективизации деревни, когда с зажиточного крестьянина брали больший взнос по сравнению с бедняком, при этом поставив их обоих в равный статус колхозника, претендующего на одинаковую долю дохода. Разница только в том, что крестьян коллективизировали в момент их пребывания в положении свободных товаропроизводителей, а коммунаров ставили перед фактом удержания неординарных взносов во время их нахождения в коммуне [10, с. 304].

Процесс обобществления имел отношение и к одной из самых важных студенческих ценностей того времени – учебной литературе. Многие вступившие в коммуну приносили свои личные учебники или же приобретали их на свои деньги во время пребывания в коммуне. Коммунары регистрировали все приобретенные книги, создавая из них «передвижные библиотеки».

Взаимоотношения полов – один из сложных вопросов в деятельности коммун. Именно коммуны стали местом, где в 1920-е гг. развернулся самый важный с точки зрения строительства настоящего социалистического общества социальный эксперимент, основная цель которого – уничтожить либо ослабить влияние традиционной семьи, которая считалась ячейкой буржуазного общества и продуктом его производственных отношений. При таком взгляде на проблему коммуны как раз и являлись антиподом буржуазной семьи. «Вопросы нового быта сейчас интересуют пролетарскую общественность. Старый быт, с примусом, собственной ложкой, кружкой и фунтом хлеба, должен кануть в вечность. Сменит его новая семья – коллектив» [1, с. 117]. В периодической печати стал дискутироваться тезис, что пролетарское студенчество не может иметь семьи, поскольку она отрывает студента от учебы и направляет на путь спекуляции.

Коммуна, по существу, становилась новой формой «семьи», являясь при этом коллективом, состоявшим из людей, не связанных родственными связями. Именно она была призвана заменить старую семью. Коммунары заявляли о своем желании создать новый коллектив семейного типа, в котором должны были исчезнуть ограничения, свойственные традиционной семье. По сути, стала формироваться новая форма семейных отношений, в которой в то же время сохранялись ограничения и регламентация повседневной жизни членов коммуны.

Объединение людей в коммуны и совместное проживание как мужчин, так и женщин, общий уровень их культуры – все это не могло не сказаться на межличностных отношениях внутри коллектива. Неизбежно появлялись взаимные симпатии и антипатии. При создании коммун вопрос о взаимоотношениях полов поднимался на собраниях, од-

нако участники коммун предпочитали предоставлять его на разрешение времени, что впоследствии стало причиной распада коммуны: «Часть девчат стала относиться к одному парню более внимательно, чем к остальным, это, естественно, сразу стало предметом обсуждения на коллективном собрании коммуны, и виновники пообещали исправиться, однако молодые люди, которым было отказано в более близком товариществе, были вынуждены уйти из коллектива» [1, с. 117]. Однако после того, как коммуна внутренне консолидировалась, укреплялась мысль о возможности налаживания брачных отношений. Эта идея в ходе дальнейших дебатов привела к принятию следующего решения: «Если кто-либо из коммунаров пожелает жениться, это вполне нормально, и коммуна не вправе препятствовать ему. Напротив, коммуна должна приложить усилия к обеспечению предпосылок, необходимых для создания семьи» [9, с. 295].

Нараставшие серьезные противоречия между новыми формами бытовых отношений и психологией коммунаров, противоречия повседневной жизни свидетельствовали, что в такой сложной конструкции, какой являлись коммуны, было очень сложно установить товарищеские взаимоотношения. Попытки настойчивого проведения политики «всеобщего братства» и утверждения «пролетарских» принципов их жизнедеятельности ставили коммуны на грань распада.

Важным элементом жизни коммун была практика самокритики коммунаров. Периодическая печать содержит свидетельства подобных публичных отчетов коммунаров перед коллективом. Последствия этой практики имели различные оценки: с одной стороны, подробный отчет об общественной и личной жизни одобрялся со стороны руководства коммуны [5, с. 31], а с другой – такая практика вела к тому, что коммунары стали вникать в нюансы личной жизни, на которые, по их же собственному признанию, не стоило обращать внимание. При этом постоянно подчеркивалось, что «наше студенчество менее подвержено опасности идеологического разлада, разного рода идейным и не идейным извращениям, которые являются результатом индивидуализма. Наш студент всегда находится под своего рода общественным контролем, всегда со своими товарищами, и нет тяжелее трагедии для юноши, как быть выброшенным за борт общности» [11, с. 39]. По неписаному уставу коммуны замыкаться в себе и скрывать свою внутреннюю жизнь считалось таким же преступлением, как сокрытие доходов.

Процесс перевоспитания индивидуума коллективом, где практиковались критика и самокритика, прочно вошел в общепринятую советскую практику. Кроме того, коммуна навязывала своим членам довольно жесткую регламентацию быта, что должно было привить им железную дисциплину,

поскольку в 1920-х гг. идея регламентации времени довольно широко рекламировалась в средствах массовой информации, а, по мнению партийных теоретиков, она имела большее значение для экономического развития страны. В студенческой периодической печати подвергались критике партийные и профсоюзные организации, уделявшие, по мнению корреспондентов, недостаточно внимания деятельности коммун.

Рассмотрение деятельности студенческих коммун позволяет выявить взаимосвязанные причины их создания, одновременно обусловившие и функции, предназначение их деятельности. Первая – экономическая: добровольное объединение имущества и финансовых средств должно было способствовать улучшению уровня жизни студенчества, который на всем протяжении 1920-х гг. оставался крайне низким. Однако на практике, не получая финансовой помощи со стороны администрации вузов и других организаций, в период нестабильной выплаты стипендий и зарплат, коммуны демонстрировали свою экономическую несостоятельность, что нередко и приводило к их распаду.

Вторая причина (она же функция) – идеологическая, которую можно считать важнейшей составляющей существования коммун и которую следует рассматривать как элемент пролетаризации высшей школы. Основной ее целью являлось создание человека нового типа, не принимавшего принципы мелкобуржуазной идеологии, отвергавшего влияние традиционной семьи, ставившего коллективные интересы выше собственных, вплоть до полного отторжения последних. Однако расхождение

основных принципов коммунарского движения с «генеральной линией» партии было неизбежным, поскольку формирующаяся командно-административная модель управления государством не предполагала существования даже относительно независимых и самостоятельных коллективов, какими являлись коммуны.

Список использованных источников

1. Бочаров. Как развивалась коммуна / Бочаров // Красная молодежь. – 1924. – № 3. – С. 116–119.
2. Бучель, Н. О коллективах / Н. Бучель // Красная молодежь. – 1925. – № 3–4. – С. 132–134.
3. Глаголев, А. По инициативе комсомольцев / А. Глаголев // Красное студенчество. – 1927/28 уч. г. – № 9. – С. 25.
4. Гольбрайх, М. Пример 28 комнаты / М. Гольбрайх // Красное студенчество. – 1928/29 уч. г. – № 9. – С. 35.
5. Егоров, С. О «комсомольских банях», спорт – смычке и прочем / С. Егоров // Красный студент. – 1925. – № 3. – С. 31.
6. Козьмин, Г. О бытовой контрреволюции / Г. Козьмин // Красное студенчество. – 1928. – № 14. – С. 10–11.
7. Крупская, Н. К. Партия и студенчество / Н. К. Крупская // Красная молодежь. – 1924. – № 1. – С. 13–19.
8. Позденко. О коммунах II МГУ / Позденко // Красное студенчество. – 1926. – № 11. – С. 24.
9. Райх, В. Сексуальная революция: пер. с нем. / В. Райх. – СПб.; М.: Университет. кн.: АСТ, 1997. – 352 с.
10. Рожков, А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / А. Ю. Рожков. – Краснодар, 2003. – 493 л.
11. Уралов, Ал. По студенческим будням / Ал. Уралов // Красный студент. – 1925. – № 3. – С. 39–40.
12. Член коммуны. Коммуна студентов-водников / Член коммуны // Красный студент. – 1924. – № 4–5. – С. 44–45.

Аннотация

Анализ повседневной жизни студенческой молодежи показывает, что на протяжении 1920-х гг. партийно-государственные органы власти использовали все возможные средства для формирования нового мировоззрения студенчества, на принятие ими пролетарски-ориентированных общественных ценностей, что нашло свое отражение в деятельности студенческих коммун и позволило уточнить причины их формирования. Однако на практике эффективность деятельности коммун во многих случаях не оправдывала возлагавшиеся на них надежды. Основной причиной послужило отсутствие финансовой помощи со стороны администрации вузов и других организаций, что нередко приводило к их распаду.

Abstract

The analysis of the everyday life of the students shows that during the 1920's the party-state authorities used all possible means to form a new Outlook of students on the adoption of the proletarian-oriented social values. What is reflected in the activities of student communities, and allowed to clarify the reasons for their formation. In practice, however, the effectiveness of communes in many cases fell short of expectations. The main reason was the lack of financial assistance from the administration of universities and other organizations, which often led to their collapse.